

ТРУДЫ И ДНИ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛИРИКА»: К ИСТОРИИ ОДНОГО НЕИЗДАННОГО ЖУРНАЛА

Елена Глуховская, Екатерина Зеленкова
(Санкт-Петербург)

1913 г. отчетливо продемонстрировал окончательный уход русского символизма на периферию литературной жизни. Тем не менее, отдельные поэтические группировки все еще предпринимали попытки сохранения и возрождения символизма в его различных изводах. Исследование развития символизма после его организационного распада помогает лучше понять механизмы эволюции литературного процесса. Обзору одного несостоявшегося журнального проекта, задуманного как продолжение символистской традиции, и посвящена данная статья.

В конце апреля 1913 г. на прилавках московских магазинов появилась книга с незамысловатым названием «Лирика»¹. Выпущенная одноименным издательством, небольшого формата, довольно невзрачная внешне и не имеющая в своем составе «громких» литературных имен, она осталась фактически не замеченной современниками. Между тем альманах явился своеобразным манифестом небольшого литературного сообщества, участники которого ставили перед собой весьма амбициозные цели.

Кружок был основан в Москве в 1912 г.² и восходил к группе «Сердарда», собрания которой проходили на квартире у Ю. П. Анисимова с 1909 г. В состав «Лирики» вошли Ю. П. Анисимов, Н. Н. Асеев, С. П. Бобров, С. Н. Дурылин, К. Г. Локс, Б. Л. Пастернак, С. Я. Рубанович, А. А. Сидоров, В. О. Станевич. В первом альманахе было опубликовано по пять стихотворений каждого из участников объединения. Эти тексты наглядно свидетельствовали о близости их авторов к символистской среде «Мусагета», на что указывают, например, строки из стихотворения С. Боброва «Завет»: «Открыл нам берега и пуши / Благословенный символизм» [Лирика: 33].

¹ Лирика. Первый альманах. М., 1913.

² Подробнее о нем: [Шруба: 101–103; Пастернак: 172–204].

Участники «Лирики» планировали выпуск альманаха как первый шаг на литературном пути нового книгоиздательства. Проспект предполагаемых к публикации книг включал тринадцать наименований, тематика которых демонстрировала их просимволистское содержание. Однако этим планы «Лирики» не ограничивались — авторы альманаха активно обсуждали выпуск ежемесячного журнала. К сожалению, сохранившиеся архивные материалы не позволяют произвести полную реконструкцию издательских замыслов объединения. Однако имеющаяся переписка С. Боброва, С. Дурылина и Эллиса дает возможность воссоздать проект журнала книгоиздательства «Лирика» и рассмотреть идею такого издания в контексте развития литературного процесса того времени.

К моменту появления «Лирики» «бывшие участники» русского символизма религиозно-мистического толка группировались вокруг книгоиздательства «Мусaget» и выпускаемого им журнала «Труды и Дни». Большинство будущих «лириков» так или иначе были причастны к нему и входили в состав «Молодого Мусagета»³, участники которого собирались в мастерской скульптора К. Ф. Крахта. В частности, 9 декабря 1912 г. в кружке обсуждалась статья Боброва «О лирической теме», вошедшая позже в 1–2 тетрадь «Трудов и дней» за 1913 г. [Бобров 1913: 116–137]. Эта статья явилась манифестом того направления, реализацией которого, по мнению С. Боброва, и должна была стать деятельность «Лирики». Интересно, что непосредственно перед работой С. Боброва была помещена рецензия С. Дурылина на книгу стихов «Обитель Ю. Анисимова», заглавие которой «О лирическом волнении» перекликалось с названием соседней статьи и обнажало полемичность трактовок литературного процесса в обеих работах. Если С. Бобров рассматривает поэзию как единство «трех тем» [Там же: 137] — содержания, формы и лирики, и таким об-

³ Подробнее о «Молодом Мусagете» см.: [Шруба: 127]. Основанный главным образом усилиями Эллиса, этот кружок и после отъезда поэта из России продолжил собираться на квартире у скульптора К. Ф. Крахта, а осенью 1912 г. даже был создан устав, где в качестве главной цели кружка значилось «исследование проблем эстетической культуры вообще и символизма во всех видах искусства, в частности» [Крафт: 1].

разом делает акцент на технике стиха, то С. Дурылин говорит о поэзии как явлению божественном и о поэте как посреднике между Богом и человеком [Дурылин 1913а: 111–115].

Следует отметить, что участие представителей «Молодого Мусажета» в «Трудах и днях» было эпизодическим. Мусажетовские «мэтры» не спешили принимать «молодежь» в свои ряды, к тому же к началу 1913 г. обозначился финансовый кризис издательства, вследствие чего журнал перестал быть ежемесячным (в 1913 г. вышел лишь один сдвоенный номер)⁴. Следствием всех перечисленных факторов явилось / стало сближение С. Боброва и С. Дурылина с целью создания собственной печатной платформы.

Проект технической части журнала, судя по сохранившимся материалам, разрабатывался преимущественно С. Дурылиным и был подробно представлен С. Боброву в письме от 11 июля 1913 г. [Дурылин 1913б: 13]. Основные положения и характер предполагаемого журнала свидетельствуют о стремлении авторов продолжить традиции «Трудов и дней» под новой издательской маркой. Во-первых, журнал «Лирики» был подчеркнуто ориентирован на очень узкий круг потенциальных сотрудников и читателей, что демонстрировало его камерный характер и связь с «кружковостью» «мусажетовского» ежемесячника. Обязательным условием выхода журнала явилось привлечение к сотрудничеству крупнейших младосимволистов, составлявших костяк «Трудов и дней» на раннем этапе его существования, — А. Белого, А. Блока и Вяч. Иванова: «Ни за какими именами журнал гнаться не должен, и руководящие его статьи должны по преимуществу принадлежать тесному дружескому кружку. Пускать в огород не следует, по-моему, не только козлов, но и слонов: потопчут. Но есть лица, сотрудничество которых в высокой степени желательно. Это в первую голову Вяч. Иванов, Белый, Блок, Рачинский, С. Соловьев» [Там же], — писал С. Дурылин С. Боброву.

Во-вторых, как и в случае «Трудов и дней», ни о какой окупаемости журнала речи быть не могло. Издавать его предлагалось в складчину, естественно, без выплаты гонораров авторам: «Финансовая сторона “Лирики” — самая слабая. Мы с Юлианом⁵

⁴ Подробнее об истории журнала «Труды и дни» см.: [Лавров: 191–211].

⁵ Юлиан Анисимов.

решили от наших скудных средств вносить ежемесячно по 20 р. – 40 р. Остальные 20 р. – 30 р. (мы рассчитываем, что № будет стоить от 60 до 70 р., верные 60 р.), мы надеемся, будут вносить другие сотрудники и знакомые (рубля 3 обещала Вера Николаевна, еще кое-кто). <...> Подписка может дать рублей 200 *maximum* (за год (кроме июня–июля) 10 №, ц. 1 р. 50 к.). Надо вычитать отсюда почт<овые> расходы (40 к. за экземпляр), конторские, и проч. Гонорар, конечно, невозможен. В *крайнем* случае — придется закладывать жен и детей» [Дурылин 1913б: 13].

В-третьих, подобно «Трудам и дням», журнал «Лирики» должен был иметь ярко выраженную теоретическую направленность, о чем свидетельствует факт обсуждения С. Дурылиным и С. Бобровым возможности опубликовать на страницах журнала теоретико-литературоведческие исследования и статьи культурологического характера. Так, представляя состав первого номера, С. Дурылин писал: «Переводы и статья — хотелось бы — о Рильке — Юлиана. Моя статья “О лирическом пути” <...> Есть у меня неизд<анные> стихи А. Добролюбова, неизвестные Лернеру сведения о Пушкине (правда, ничего особенного), — все это пойдет в дело... <...> Я уверен, что вы, кроме стихов, дадите и статьи, и статью и переводы Рембо (что очень желательно), но еще желательнее ваши переводы из Лерберга — и статью бы, статью!» [Там же].

Однако при общем типологическом сходстве с «Трудами и днями» были и различия, вызванные, вероятно, желанием участников кружка, с одной стороны, исправить недостатки «мусагетовского» издания, а с другой — подчеркнуть и упрочить свою позицию на литературной арене. Если «Труды и Дни» были сугубо теоретическим журналом, то стремящиеся найти своего читателя поэты «Лирики» готовы были отдать четверть всего объема поэзии: «<...> 32 страницы желательно, пользуясь выгодными, т. е. убористыми, шрифтами, 16 отводить статьям, 8 — хронике и библиографии и 8 — стихам» [Там же].

Очевидно, что не менее важную роль должен был играть и библиографический отдел. Для первого номера С. Дурылин предлагал написать: «о “Жемчужных светилах” Сологуба, “Цвет<нике> царевны” <С.> Солов<ьева>, “Нео-футуристах” <...> об Эльснер [так! — Е. Г., Е. З.] (ругань), Шершеневиче (ругань), Игоре Север<янине>» [Там же]. Таким образом, подчеркнув прием-

ственность по отношению к старой символистской школе, журнал четко обозначил и своих идеологических врагов — футуристов и нео-футуристов. В этом «Лирика» ориентировалась на успешный опыт более раннего символистского издания, а именно — журнала «Весы». Обязательным условием С. Дурылина и Ю. Анисимова было привлечение к сотрудничеству Эллиса. При этом С. Дурылин специально оговаривал форму его участия: «<...> в пределах его бывшей деятельности в защиту символизма в “Весы”» [Дурылин 1913б: 13]. На Эллиса, таким образом, возлагалась задача отстаивать интересы символизма, к чему, по мнению С. Дурылина, все остальные участники кружка не были способны в должной мере: «Эллис нужен Лирике: защита позиций символизма в ней — нуждается в нем, ибо ни Вы, ни Ю., ни я, ни Соловьев не преданы *первое* всего этой позиции: для вас вопросы чистого лиризма, техники, лиротворчества явно приматствуют над остальными, для меня — религиозного начала в искусстве, для Соловьева — “русское возрождение”, Садовского — “пушкинианство” и т. д.» [Там же: 16].

Эллис, так горячо поддерживаемый С. Дурылиным, к тому времени уже пережил мировоззренческий кризис⁶ и был приверженцем религиозно-мистической поэзии «младших» символистов в ее ортодоксально-католическом изводе⁷. Позиция Эллиса была близка постулатам дурылинской статьи «О лирическом волнении». Безусловный авторитет Эллиса в среде «Молодого Мусагета» способствовал тому, что именно ему было предложено написать программную статью для будущего журнала⁸. Однако такое

⁶ Увлечшись идеями Р. Штейнера еще в 1910 г., Эллис, уехав за границу, продолжал пропагандировать их в рядах «Мусагета». Однако с 1912 г. поэт постепенно разочаровывается в выбранном пути, и к лету 1913 г. он окончательно отходит от штейнерианства (о чем свидетельствуют его книга стихов «Арго» и трактат “Vigilemus!”).

⁷ «Христианская поэзия — мой заветный идеал», — писал Эллис Дурылину [Эллис: 39].

⁸ Об этом свидетельствуют вопросы, которые Эллис задает Дурылину. Его интересуют: «1) Проектируемый состав и тон будущих NN; 2) Состав сотрудников; 3) Организ. редактирований; 4) Приблизительный размер N.» [Эллис: 23] — то есть те вопросы, которые важны не рядовому автору журнала, а сотруднику, собирающемуся

положение дел вызвало протест со стороны С. Боброва. Оставив в стороне полемику С. Боброва и С. Дурьлина относительно фигуры Эллиса, отметим только, что программную статью он так и не написал и ни один номер журнала «Лирика» не увидел свет. Работы С. Боброва и С. Дурьлина, обсуждаемые в переписке и предполагавшиеся для собственного журнала, позже были опубликованы в «Трудах и днях»⁹, однако это стало не столько достижением бывших «лириков», сколько следствием ряда издательских проблем «Трудов и дней».

Таким образом, неосуществившийся проект журнала в книгоиздательстве «Лирика» явился ярким примером попыток русского символизма продлить свое пребывание в центре литературного процесса. «Лирики» стремились синтезировать наиболее успешный опыт предшественников (в первую очередь «Весов» и «Трудов и дней») и, сохраняя общее направление символистских поисков, создать конкурентоспособный и в то же время элитарный журнал. Однако этим идеям не суждено было воплотиться в силу неактуальности отстаиваемых позиций, а также ввиду недостаточности творческого потенциала большинства участников группы.

«Поиски нового на старых путях»¹⁰ заведомо были обречены на провал, и первым из числа «Молодого Мусагета» это почувствовал С. Бобров. В начале 1914 г. вместе с Б. Пастернаком и Н. Асеевым он покидает «Лирику» и образует литературную группу «Центрифуга»¹¹. Спустя несколько месяцев новое литературное объединение выпустило первый альманах — «Руконог», где помимо стихов были помещены манифест группы под названием «Грамота» и программный текст «Турбопэан», а также литературно-критические статьи острополемического характера, содержащие резкие выпады в адрес кубофутуристов. Таким образом, «Руконог» стал реализацией журнально-издательских идей «Лирики», однако в модернизированном виде, выдвинув на пер-

принимать деятельное участие в его жизни и во многом определяющего его судьбу.

⁹ См.: [Дурьлин 1914: 151–156; Бобров 1914а: 159–163; Бобров 1914б: 164–167].

¹⁰ Выражение В. Брюсова: [Брюсов: 21].

¹¹ Подробнее о ней см.: [Флейшман: 521–543].

вый план вопрос формы литературного произведения и техники поэтического творчества¹².

В библиографическом обзоре «Руконога» содержалась информация о судьбе книгоиздательства «Лирика»: «1-го марта к-во “Лирика” ликвидировало свою деятельность. Два течения в этом к-ве, весьма ясно означившиеся за последнее время, в конце концов разбили его на две части. Одна из них организовалась под именем к-ва «Центрифуга», другая, по слухам, намерена принять имя “Стрелец”. <...>» [Руконог: 40]. К сожалению, о судьбе «Стрельца» ничего не известно, но уже из «астрономического» названия этой группы очевидно, что ее участники позиционировали себя преемниками символистских традиций книгоиздательства «Скорпион» и журнала «Весы».

Итак, на примере деятельности «Лирики» отчетливо видны пути литературных поисков, которые предпринимали «дети символизма»: одни (С. Дурылин, Ю. Анисимов) в своем творчестве продолжают намеченное «Трудами и днями» развитие мистико-религиозного направления в искусстве, однако остаются без внимания читателей и критики и вынуждены искать внепоэтические формы самореализации. Другие (С. Бобров, Н. Асеев, Б. Пастернак), переосмыслив символистское наследие, отстаивают право художника на творческий произвол, проявляют внимание к формально-языковой составляющей литературного произведения, обращаются к экспериментам с ритмом и метром, сближаясь в этих опытах с футуристами и тем самым обеспечивая возможность дальнейшего участия в литературном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров: *Бобров С.* О лирической теме // Труды и дни. 1913. Тетрадь 1–2. С. 116–137.
- Бобров 1914а: *Бобров С.* Т. Гофман и Профессор эстетики // Труды и дни. 1914. Тетрадь 7. С. 159–163.
- Бобров 1914б: *Бобров С.* Новое об эпитете // Труды и дни. 1914. Тетрадь 7. С. 164–167.

¹² Неслучайно следующим изданием «Центрифуги» стала брошюра С. Боброва «Лирическая тема. XVIII экскурсов в ее области», явившейся переизданием его статьи из «Трудов и дней» [Бобров 1914в].

- Бобров 1914в: *Бобров С.* Лирическая тема. XVIII экскурсов в её области. М., 1914.
- Брюсов: *Брюсов В. Я.* Год русской поэзии (апрель 1913 г. – апрель 1914 г.). Продолжатели // *Русская мысль.* 1914. № 7. С. 21.
- Дурылин 1913а: *Дурылин С.* О лирическом волнении // *Труды и дни.* 1913. Тетрадь 1–2. С. 111–115.
- Дурылин 1913б: *Дурылин С.* Письма Боброву С. П. // РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 495.
- Дурылин 1914: *Дурылин С.* Луг и цветник: О поэзии Сергея Соловьева // *Труды и дни.* 1914. Тетрадь 7. С. 151–156.
- Крахт: *Крахт К. Ф.* Письмо к Метнеру Э. К. 1912 сент. 15 // ОР РГБ. Ф. 1667. Карг. 14. Ед. хр. 23.
- Лавров: *Лавров А. В.* Труды и дни // *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917 гг. Буржуазно-либеральные и модернистские издания.* М., 1984.
- Лирика: *Лирика.* Первый альманах. М., 1913. С. 191–211.
- Пастернак: *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Материалы к биографии. М., 1989.
- Руконог: *Руконог.* М., 1914.
- Флейшман: *Флейшман Л.* История «Центрифуги» // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006.
- Шруба: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М., 2004.
- Эллис: *Эллис.* Письма Дурылину С. Н. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 928.